

№ 17

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙМАНЪ Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — в.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Іоаннъ-Вольфгангъ Гёте. Е. Добрыниной. — II. Блуждающій колоколъ (Стих.). Изъ Гёте, переводъ Гербеля. — III. Дожджій Осипъ. Н. Кувшинникова. — IV. Маленькій рудокопъ. Нирица.

ІОАННЪ-ВОЛЬФГАНГЪ
ГЕТЕ.

I.

Предки и родители Гёте.

ВТО въ наше время, бывши во Франкфуртѣ, въ этомъ красивомъ, привѣтливомъ городкѣ на Майнѣ, не вспоминалъ Гёте и не искалъ тамъ слѣдовъ его? — Начиная съ его дома на Гиршграбенѣ, гдѣ онъ родился, и кончая памятникомъ, который ему поставили его сограждане.

По этой самой площади, которая носить теперь названіе „площади Гете“, и гдѣ стоитъ его памятникъ, осенью 1687 г. послѣ долгаго, труднаго путешествія, съ узелкомъ за спиной шелъ портной Фридрихъ-Георгъ Гёте, искать себѣ работы въ богатомъ городѣ.

Тяжелое ремесло его отца, кузнеца изъ Артерна, было ему не по душѣ, и онъ промѣнялъ наковальню и молотъ на ножницы, иголки и утюгъ. Окончивъ курсъ ученья, Георгъ скитался изъ мѣста въ мѣсто пока не пришелъ во Франкфуртъ, гдѣ вскорѣ нашелъ работу у одного хорошаго портного, черезъ годъ женился на дочери своего хозяина, и сдѣлался гражданиномъ Франкфурта. Отъ этого брака у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, всѣ они умерли, потомъ умерла и жена.

Спустя пять лѣтъ по ея смерти онъ снова женился на вдовѣ Корнеліи Шеллгорнъ, хозяйкѣ гостинницы „Виноградный кустъ“; сдѣлался трактирщикомъ и велъ свое новое дѣло такъ хорошо, какъ будто бы всю свою жизнь только этимъ и занимался. Отъ Корнеліи у него родилось два сына, младшій изъ нихъ, Іоаннъ Каспаръ, былъ отцемъ знаменитаго поэта—Вольфганга Гете.

Іоаннъ-Каспаръ Гете получилъ хорошее образованіе—послѣ гимназіи учился въ Лейпцигѣ юриспруденціи, получилъ званіе доктора, а впослѣдствіи — титулъ имперскаго совѣтника.

По смерти отца ему осталось довольно большое состояніе, которое онъ употребилъ на долгое путешествіе по Франціи, Италіи, Голландіи, гдѣ пріобрѣлъ нѣсколько коллекцій предметовъ искусства и всякаго рода рѣдкостей.

Вскорѣ по своемъ возвращеніи во Франкфуртъ, совѣтникъ Гете женился на красивой семнадцатилѣтней дочери мѣстнаго шультейса, Катеринѣ-Елизаветѣ Тексторъ и благодаря этому, былъ дружески принятъ въ высшемъ кругѣ знатныхъ и богатыхъ гражданъ.

Іоаннъ-Каспаръ былъ человѣкъ холодный, суровый, фор-

малисть, строгій какъ къ себѣ, такъ и къ окружавшимъ его. Все свое время онъ посвящалъ наукамъ, литературѣ, музыкѣ и воспитанію дѣтей. Въ домашнемъ кругу, гдѣ каждое слово его считалось закономъ, его больше уважали нежели любили. Молодая же жена его, впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ „совѣтницы Гете“, была любимицею дѣтей, стариковъ, поэтовъ, принцевъ—всѣхъ, кто только зналъ ее.

Знаменитые люди того времени искали ея расположенія и переписывались съ ней. Ея письма, не безъ грамматическихъ ошибокъ, были полны ума, силы жизни. Лучшая характеристика этой замѣчательной женщины—ея письма.

„Порядокъ и спокойствіе, вотъ главныя черты моего характера, говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ. Я никогда не откладываю свои дѣла, и если мнѣ предстоитъ что нибудь непріятное, иду прямо навстрѣчу. Какъ только все придетъ въ свой обыкновенный порядокъ, дѣлаюсь опять весела, и никто не превзойдетъ меня въ счастливомъ расположеніи духа.

„Я люблю людей, это тотчасъ чувствуетъ — и малый и старый. Я живу на свѣтѣ безъ претензій, никого не осуждаю, всегда ищу въ людяхъ хорошее, это всѣхъ располагаетъ ко мнѣ. Такимъ образомъ дѣлаю себѣ жизнь счастливой и пріятной.

„Я въ жизни не ищу шиповъ, ловлю небольшія радости; если двери низки—я пригибаюсь; если могу свернуть съ дороги камень—дѣлаю это, когда онъ тяжелъ, обхожу его. Если въ природѣ все круговращается, почему бы я составляла исключеніе? Кто будетъ огорчаться, что не всегда луна свѣтитъ, что солнце въ октябрѣ не такъ грѣетъ, какъ въ іюлѣ. Единственный путь быть великимъ, честнымъ, приносить пользу человечеству — это знать свои достоинства и недостатки. Кто не знаетъ своихъ ошибокъ, или не хочетъ ихъ знать, тотъ тяжелъ, бесполезенъ и его никто не любитъ“.

Письма эти съ наслажденіемъ читались при веймарскомъ дворѣ герцогини Амаліи, въ кругу поэтовъ и ученыхъ.

До преклонныхъ лѣтъ совѣтница Гете сохранила простоту, веселость, здравый смыслъ и съ вѣрою въ Бога спокойно окончила жизнь, написавши духовное завѣщаніе и сама распорядилась похоронами своими.

Многія черты ея характера и образа мыслей имѣли большое вліяніе на ея сына Вольфганга Гете—богато одареннаго духовно и физически. „Отъ отца, говорилъ впослѣдствіи Вольфгангъ, я получилъ осанку и серьезный взглядъ на вещи, а отъ матери—веселость нрава и страсть къ повѣствованію. Дѣйствительно мать Гете обладала богатой фантазіей, яснымъ взглядомъ на жизнь и яснымъ умомъ. Она рано угадала въ маленькомъ Вольфгангѣ генія и, съ любовью, осмотрительно способствовала его развитію, а рѣдкая понятливость, прилежаніе и счастливая обстановка ребенка помогали ей со дня его рожденія.

II.

Замѣчательный ребенокъ.

Съ природою одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Баратынскій.

1749 года, 28 августа въ двѣнадцать часовъ, въ шумномъ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ старомъ домѣ на Гиршграбенѣ родился мальчикъ безъ признаковъ жизни. Встревоженные взоры блѣдной восемнадцатилѣтней матери, суроваго отца и озабоченной старой бабушки были устремлены на маленькое существо, которое медики старались возвратить къ жизни; наконецъ новорожденный открылъ глаза, и фрау Корнелія радостно крикнула своей невѣсткѣ: „совѣтница, онъ живъ, онъ живъ!“

Надъ воротами дома, въ которомъ Гете родился, какъ бы пророческій символъ, была изображена лира и звѣзда. Этотъ знакъ въ послѣдствіи Гете помѣстилъ въ свой гербъ. Сколько радости, сколько надеждъ возлагали родители на маленькаго пришельца! Но о славѣ, которою освѣтилъ онъ ихъ въ послѣдствіи, понятно, и не подозрѣвали, хотя астрологи по звѣздамъ и предвѣщали его будущее величіе. Вообще августъ 1749 года былъ достопримѣчательнымъ мѣсяцемъ для Германіи, въ этотъ мѣсяцъ родилось много великихъ людей и совершилось много великихъ событій.

Маленькій Іоаннъ-Вольфгангъ (которому дали это имя въ честь его крестнаго отца и дѣдушки) развивался быстро и счастливо подъ надзоромъ заботливаго отца и подъ ласками нѣжной матери, товарища игръ своихъ дѣтей. Вольфгангъ былъ красивый ребенокъ и удивлялъ своимъ раннимъ развитіемъ. Съ дѣтьми онъ игралъ неохотно, и особенно не любилъ дѣтей, которыя были дурны лицомъ. Это какъ бы указывало на его врожденную любовь къ изящному.

Вмѣстѣ съ Гете росла его меньшая сестра Корнелія—живая, веселая дѣвочка. Всю жизнь свою онъ нѣжно любилъ эту сестру, единственную оставшуюся въ живыхъ изъ пятерыхъ дѣтей, бывшихъ кромѣ него у родителей.

Когда Корнелія еще лежала въ колыбели, онъ приносилъ ей свои любимыя игрушки; хотѣлъ всегда самъ кормить ее, и сердился, если ее вынимали изъ люльки. Когда Корнелія подросла, то изъ нее вышла граціозная дѣвочка, хотя не такой выдающейся красоты, какъ ея братъ.

Любимымъ мѣстомъ игръ дѣтей были большія сѣни, отдѣлявшіяся отъ улицы желѣзною рѣшеткой и прилежавшія къ комнатамъ бабушки. «Мы имѣли привычку — говоритъ Гете, вспоминая о бабушкѣ въ своей автобіографіи—распространять наши игры до ея комнаты, до ея кресла, а когда она была больна, то до ея постели.

„Я сохранилъ о ней память, какъ о какомъ-то тихомъ,

ясномъ видѣніи: бабушка была красивая, худощавая старушка, всегда одѣтая въ бѣломъ, чистомъ платьѣ и въ чепчикѣ.

Какъ у настоящей бабушки, у нея всегда были приготовлены для своихъ любимцевъ красивыя игрушки, забавное и веселое занятіе или лакомство; дѣти проводили у нея все свое свободное время.

„Разъ наканунѣ Рождества Христова, говоритъ Гёте, бабушка подарила намъ, дѣтямъ, кукольный театръ. Маленькая сцена съ своими нѣмыми персонажами сдѣлала громадное впечатлѣніе на меня, шестилѣтняго мальчика. Но эта прелестная игрушка только временами давалась намъ, родители прятали ее, какъ послѣдній подарокъ доброй бабушки, которая вскорѣ потомъ и умерла. Съ того времени эта игрушка стала еще дороже всему семейству.“

Послѣ бабушки Гете ближе всѣхъ былъ съ матерью.

„Мы съ Вольфгангомъ всегда были близки другъ другу, говорила мать,—потому что оба были молоды“. Ея любимымъ занятіемъ было рассказывать каждый вечеръ сказки своему сыну, и какъ жадно онъ слушалъ ее! „воздухъ, огонь, землю, воду представляла я въ видѣ принцессъ и принцевъ; всѣмъ явленіямъ стихій придавала особый сказочный смыслъ и нерѣдко сама вѣрила своимъ вымысламъ. Рассказывая о путяхъ ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, о нашемъ будущемъ переселеніи на звѣзды и о великихъ геніяхъ, которыхъ мы тамъ встрѣтимъ, я ждала не меньше дѣтей часа рассказа и сама интересовалась ходомъ моей импровизаціи.

„Когда я рассказывала, Вольфгангъ не спускалъ съ меня своихъ черныхъ глазъ, и если судьба кого либо изъ его любимцевъ несоотвѣтствовала его ожиданіямъ, то былъ сильно недоволенъ и глоталъ слезы“.

Нерѣдко Вольфгангъ прерывалъ рассказъ матери вопросомъ въ такомъ родѣ: „мама, вѣдь прекрасная принцесса не выйдетъ замужъ за скверного портнаго, если онъ даже и побѣдитъ великана“? Иногда мать оставляла конецъ рассказа до другаго дня; къ этому времени мальчикъ сочинялъ самъ

окончаніе и по секрету рассказывалъ бабушкѣ. Когда мать, тайно извѣщенная объ этомъ, рассказывала конецъ по выдумкѣ Вольфганга, глаза его сіяли восторгомъ, и по одеждѣ видно было, какъ сильно билось въ это время его юное сердце.

По смерти своей матери, совѣтникъ Гете началъ перестраивать старый домъ. Вольфгангъ фигурировалъ въ церемоніи начинанія дѣла въ платьѣ каменщика. Болтая съ работниками, онъ спрашивалъ ихъ о ихъ работѣ, о ихъ домашнемъ бытѣ, и кое-что узналъ о строительномъ искусствѣ, которымъ впослѣдствіи часто занимался. Такъ какъ семейство не могло оставаться въ полуразрушенномъ зданіи, то отецъ рѣшилъ на время помѣстить дѣтей своихъ у одного пріятеля и посылать ихъ въ школу. Въ свое кратковременное пребываніе въ общенародной школѣ, Гете получилъ къ школѣ отвращеніе. Воспитанный дома нравственно, онъ тяготился обществомъ школьныхъ учениковъ, грязныхъ, буяновъ, съ жестокими, безсердечными привычками.

Я былъ счастливъ, говорилъ онъ, когда кончилась перестройка дома и снова началось домашнее воспитаніе. Какъ только новый домъ былъ готовъ и въ него переселились, то отецъ съ рвеніемъ и строго началъ съ дѣтьми правильныя занятія. Отъ этого времени сохранилось нѣсколько работъ и сочиненій на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ, которыя писалъ Гете, будучи восьми лѣтъ отъ роду. Какъ онъ легко усваивалъ знанія, можно видѣть и изъ слѣдующаго случая: въ комнатѣ, гдѣ Вольфгангъ приготовлялъ уроки, отецъ училъ его сестру итальянскому языку; мальчикъ, прислушавшись, вскорѣ самъ началъ и понимать и говорить по-итальянски. Уроки свои итальянскаго языка отецъ пополнялъ и пояснялъ, показывая дѣтямъ привезенныя имъ изъ Италіи и изъ другихъ мѣстъ множество картинъ: ландшафтовъ, видовъ, группъ и иногда, показывая ихъ дѣтямъ, забывалъ свою строгость и вступалъ съ ними въ веселый разговоръ о дивной Италіи.

По воскресеньямъ все семейство обѣдало у дѣдушки Текстора, который послѣ обѣда, надѣвъ халатъ, велъ дѣтей

въ свой садъ; здѣсь онъ имъ показывалъ и объяснялъ цвѣты, деревья и разныя растенія, за которыми самъ ухаживалъ съ любовью. Домъ дѣдушки былъ также любимымъ убѣжищемъ дѣтей послѣ строгихъ занятій съ отцемъ.

III.

Игры и чтеніе.

Эта тихая, счастливая жизнь была вдругъ прервана семилѣтней войною. *) Между членами семейства пошли споры и наконецъ полный разрывъ. Маленькій Вольфгангъ не могъ понять, какъ это два такихъ умныхъ человека, какъ его отецъ и дѣдушка, могли расходиться во взглядахъ. Идеаль дѣдушки былъ австрійскій императоръ, а отца Гете—Фридрихъ Великій; вліяніе отца отразилось и на сынѣ, Вольфгангъ съ энтузіазмомъ слѣдилъ за военными дѣйствіями, радовался при неудачѣ императорскихъ войскъ и пѣлъ хвалебные гимны войску Фридриха. Разногласіе между семействами дошло наконецъ до того, что дѣти перестали бывать у дѣдушки. Чтобы вознаградить ихъ за эту потерю и удержать дома, имъ передали, сохраняемый до сихъ поръ, кукольный театръ покойницы бабушки.

И вотъ у маленькаго директора театра, которымъ, понятно, вскорѣ былъ избранъ Вольфгангъ, явилось много работы. Понадобились новыя декораціи и костюмы, которые и были сдѣланы съ помощью стараго слуги, учившагося когда-то у портного, сверхъ того на сценѣ должны были быть представлены и новыя пьесы. Представленіе давалось на чердакѣ, сцену устанавливали между дверьми; за сценой находились актеры, а зрителямъ предоставлено было мѣсто передъ нею. Публика всегда сопровождалась няньками, для

*) Это была война Франціи, Австріи, Россіи, Германіи съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Великимъ.

соблюденія порядка, такъ какъ сверстники не разъ мѣшали своими громкими разговорами. Несмотря на увлеченіе театральными представленіями, ученіе шло своимъ порядкомъ, и нерадѣніе влекло за собой непріятныя послѣдствія для маленькаго директора театра. Кромѣ научныхъ занятій дѣти требовали и много чтенія, одинъ счастливый случай помогъ имъ въ этомъ. Поблизости отъ ихъ дома букинистъ открылъ лавочку старыми книгами, напечатанными на самой простой бумагѣ, книги эти можно было брать для прочтенія за нѣсколько крейцеровъ и мѣнять на другія, когда онѣ были прочитаны. Въ эту книжную лавочку брать и сестра бѣгали почти что каждый день и переворачивали верхъ дномъ всѣ книги. Книгъ для юношества тогда было еще немного: нѣсколько сухихъ описаній путешествій, старыя сказки, изъ лучшихъ Робинзонъ Крузо и плохой переводъ Телемака. Вольфгангъ, страстно любившій чтеніе, прочитавши ихъ, сталъ читать *Метаморфозы*—Овидія, *Илліаду*—Гомера въ прозѣ, *Виргилія* въ оригиналѣ, и разныя путешествія. Онъ зналъ наизусть большую часть произведеній поэтовъ того времени: Геллерта, Галлера, Дролингера и другія.

Чтеніе развило въ Гете фантазію и духъ творчества до того, что когда онъ сдѣлался старше, и духъ его населился образами уединенно блуждавшими по романскимъ берегамъ, то онъ самъ сталъ выдумывать и писать рассказы для своихъ образовъ.

Богословскіе разговоры, которые постоянно велись въ его семействѣ, сильно повліяли на развитіе въ немъ религіознаго чувства, изъ этихъ разговоровъ онъ понялъ, что всѣ различныя вѣроисповѣданія и даже секты одушевлены однимъ желаніемъ: приблизиться къ Богу, — и что это возможно преимущественно черезъ Христа. Ребенокъ рѣшился искать Бога въ его дѣлахъ и, по примѣру Ветхаго Завѣта—создать ему алтарь. Съ этой цѣлью онъ набралъ разныхъ минераловъ, растеній и размѣстилъ все на этажеркѣ.

Это изображало алтарь. На верху долженъ былъ горѣть огонь и изображать вознесеніе души къ Богу: для этого надо всѣмъ онъ ставилъ курительную свѣчку и нетерпѣливо ждалъ восхода солнца. Какъ только свѣтъ восходящаго свѣтила озарялъ крыши домовъ, онъ наводилъ на курительную свѣчку зажигательное стекло, свѣчка загоралось, курился фиміамъ, Вольфганъ опускался на колѣни, молился и совершалъ служеніе Богу.

Раннее развитіе и религіозное настроеніе придавали ребенку что-то важное. Однажды мать, смотря въ окно, какъ онъ переходитъ улицу съ товарищами, смѣясь замѣтила ему, что не думаетъ ли онъ отличиться отъ товарищей, выступая такъ важно, мальчикъ отвѣчалъ:—я съ этого только начинаю. Разъ онъ спросилъ мать:—исполняютъ ли звѣзды то, что обѣщали при его рожденіи.—Почему это, отвѣчала мать, звѣзды должны помогать тебѣ, когда другіе люди живутъ и безъ этого;—мнѣ не довольно того, чѣмъ довольны другіе люди, отвѣчалъ Вольфганъ.

IV.

Французы въ Франкфуртъ.

Въ январѣ 1759 года, въ одинъ прекрасный день, Франкфуртъ былъ пораженъ звукомъ сторожевой трубы, раздавшейся съ главной башни города.

Наконецъ показались нескончаемые ряды войскъ; бой барабановъ привлекъ жителей къ окнамъ, мальчики побѣждали глядѣть на гаупвахту. Французскія войска вступили во Франкфуртъ. Вскорѣ ихъ размѣстили въ городѣ по квартирамъ, и все пошло своимъ чередомъ, а городъ превратился въ лагерь. Въ домѣ Гете помѣстилось важное лицо—графъ де Торонъ, человѣкъ образованный, богатый, который окружалъ себя артистами и разными знаменитостями; онъ скоро полюбилъ талантливаго Вольфганга и подружился съ нимъ, но ни чѣмъ не могъ расположить къ себѣ стараго совѣтника, видѣвшаго въ немъ врага Фридриха Великаго.

Занятіе Франкфурта французами было очень полезно для Гете. Отцовское книжное воспитаніе стало не такъ строго, и началось воспитаніе жизнею. На ребенка сильно вліяло безпрерывное движеніе войскъ по улицамъ, блескъ, пышность—

Графъ Торонъ и Вольфгангъ Гёте.

музыка. Кромѣ того онъ выучился легко говорить по-французски и познакомился съ театромъ, который французы временно открыли во Франкфуртѣ; Гете получилъ свободный входъ въ театръ и съ восторгомъ имъ пользовался. Въ это время онъ сошелся съ молодымъ французскимъ актеромъ, Деробе, который былъ только нѣсколькими годами

старше его. Дероне показалъ ему сцену и столько рассказывалъ о театрѣ, что Вольфгангъ вздумалъ написать французскую пьесу. Молодые товарищи были неразлучны; однажды играя, Дероне объявилъ, что онъ сильно обиженъ Гете и требуетъ удовлетворенія. Дуэль была неизбежна. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Гете про это: — хорошо одѣтый, въ башмакахъ съ серебряными пряжками, въ бѣлыхъ тонкихъ чулкахъ, въ зеленомъ кафтанѣ, въ жилетѣ изъ золотой парчи, напудренный и завитой, съ маленькой шпагою, украшенною бантомъ, я ждалъ за сараемъ своего противника. Дуэль началась. Клинки звенѣли, но удары удачно сыпались мимо. Вдругъ въ самомъ разгарѣ борьбы, шпага Дероне запуталась въ бантъ Вольфганга, и Дероне увѣрилъ, что онъ удовлетворенъ. Пріатели расцѣловались, отправились въ ближайшую кофейную выпить по стакану миндального молока и укрѣпить союзъ дружбы. Когда французская пьеса Вольфганга была окончена, онъ передалъ ее для поправки своему другу. Одиннадцатилѣтній авторъ мысленно уже видѣлъ во всѣхъ концахъ города афиши съ своей фамиліей, напечатанной большими буквами. Но Дероне, ссылаясь на Аристотеля, сдѣлалъ столько перемѣнъ и поправокъ, что Вольфгангъ взялъ обратно свою пьесу вполне разочарованный. Послѣ двухлѣтняго пребыванія, французы вышли изъ Франкфурта въ іюнѣ 1761 г. Спокойствіе и порядокъ снова водворились и занятія дѣтей Гете съ строгимъ отцомъ приняли свое прежнее направленіе. Вольфгангъ всѣ свободные часы своего отдыха посвящалъ научному образованію. Для практики въ знакомыхъ ему иностранныхъ языкахъ, и чтобы расширить свои географическія знанія, онъ сочинилъ романъ, въ которомъ нѣсколько братьевъ жили въ различныхъ государствахъ и вели переписку другъ съ другомъ, описывали другъ другу свою жизнь и мѣстность, гдѣ находились. Старшій братъ писалъ на латинскомъ языкѣ съ греческими цитатами; два младшихъ, прикащики въ Гамбургѣ и въ Марсели, писали по-англійски и по-французски; ко-

торый жилъ въ Италиі, былъ музыкантъ, писалъ на итальянскомъ языкѣ.

Кромѣ разныхъ занятій, Гете попросилъ позволеніе у отца учиться еврейскому языку, чтобы читать въ подлинникѣ библію; послѣдствіемъ изученія еврейскаго языка—явилось его стихотвореніе объ Іосифѣ и его братьяхъ.

Когда Гете утомлялся писаніемъ, то диктовалъ одному тупоумному мальчику, котораго взяли изъ состраданія родители Вольфганга къ себѣ въ домъ. Онъ находилъ, что диктовать очень удобно и даже впослѣдствіи сохранилъ эту привычку, увѣряя, что лучшія мысли у него являются, когда онъ диктуетъ.

На развитіе Гете имѣли большое вліяніе частыя посѣщенія подруги его матери, госпожи Клеттенбергъ. Эта женщина вліяла на всѣхъ окружавшихъ ее своей непоколебимой вѣрою въ Бога и свѣтлой, тихой внутренней жизнью; на Вольфгангъ это отражалось особенно замѣтно. Въ это время онъ написалъ нѣсколько священныхъ одъ и подарилъ ихъ отцу. Отецъ между тѣмъ усиливалъ занятія съ сыномъ, располагая въ скоромъ времени отправить его въ высшее учебное заведеніе. Вольфгангъ былъ къ этому совсѣмъ готовъ, несмотря на его молодость (ему было только 14 лѣтъ), знанія его были очень многосторонни; но отъѣздъ его былъ отсроченъ на время, по случаю пышной коронаціи Іосифа II.

Е. Добрынина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЛУЖДАЮЩІЙ КОЛОКОЛЪ.

(Изъ Гёте, пер. Н. Гербеля).

РЕБЕНОКЪ въ церковь не любилъ
Ходить по воскресеньямъ
И время службы проводилъ
Въ прогулкахъ за селеньемъ.
„Къ молитвѣ колоколъ зоветъ“,
Мать шепчетъ—рѣчь сурова:
„Онъ за тобою самъ придетъ,
Когда промедлишь снова“.
А мальчикъ думаетъ: „виситъ
Высоко онъ на башнѣ“—
И, хохоча, уже бѣжитъ
Къ рѣкѣ, лугамъ и пашнѣ.
И что же—колоколъ молчитъ!
Свершилось предсказанье:
Онъ снялся съ петель и летитъ,
Какъ Божье наказанье.
Ребенокъ видитъ и дрожитъ,
Отъ страха сердце ноетъ,
И что-то сердцу говоритъ:
Вотъ колоколъ покроетъ!
Но мигъ—и мальчикъ побѣжалъ
Съ такою быстротою,
Что чрезъ минуту ужъ стоялъ
Предъ церковью святою—
И съ той поры, забывъ про лугъ,
Онъ въ праздникъ, въ воскресенье,
Заслыша звона первый звукъ,
Ужъ шелъ къ богослуженью.

ДОѢЗЖІЙ ОСИНАЪ.

(Разсказъ).

Пора! Пора! Рога трубятъ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзые прыгаютъ на сворахъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября

..... грязь, ненастье.
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ,
Опустошительный набѣгъ.

А. Пушкинъ.

ЗНАЛЪ одного богатаго помѣщика В.... страшнаго псоваго охотника. Цѣлую зиму и лѣто онъ безвыѣздно жилъ въ своей деревнѣ и занимался хозяйствомъ. Какъ только въ августѣ начинали свѣжѣть вечера, сильнѣе падать роса, поля пустѣть, а лѣса пестрѣть покраснѣвшими грушами и пожелтѣвшими липами, тогда онъ всѣ дѣла сдавалъ своему управляющему, а самъ собирался въ отъѣзжее поле на охоту. Никакія дѣла, никакія заботы, съ наступленіемъ осени, не могли удержать его дома. Онъ садится на коня и со своей охотой, об-

ширной и богатой, съ цѣлой вереницей верховыхъ псарей, массою собакъ и съ нѣсколькими громадными фургонами, на которыхъ везли всѣ принадлежности охоты, выѣзжалъ изъ дома. Переѣзжая изъ деревни въ деревню, онъ дѣлалъ въ иныхъ мѣстахъ остановки и охотился по широкимъ болотамъ и непроходимымъ лѣсамъ не только что въ своей, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Такъ ѣздилъ онъ до самыхъ крѣпкихъ морозовъ, когда, по оледенѣвшей землѣ, борзымъ собакамъ трудно станеть скакать и ловить звѣря; тогда кончалъ онъ охоту и все также на конѣ, со всѣми охотниками, прямой дорогой возвращался домой и снова принимался за хозяйство, до осени.

Съ ружьемъ ходить онъ не любилъ, вся его страсть была въ псовой охотѣ.

I.

Какъ-то ранней осенью В.... пришелъ съ охотой къ намъ въ деревню поохотиться въ окружныхъ лѣсахъ и заросляхъ.

До этого уже я нѣсколько разъ бывалъ съ нимъ на охотѣ, а потому зналъ кличку чуть не всѣхъ собакъ, имена лошадей, хорошо былъ знакомъ съ его охотниками, кучерами, поварами и псарями, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ питалъ особенное уваженіе и дружбу. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занималъ старикъ доѣзжій Осипъ, мой закадычный пріятель. Въ немъ я видѣлъ совершенство охотника, а потому уважалъ и любилъ его.

Осипъ глава—охоты, былъ старшимъ доѣзжимъ и слава его была извѣстна въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Доѣзжій—это то лицо, которое завѣдуетъ и руководить всею стаею гончихъ собакъ; назначеніе этихъ собакъ разыскивать звѣря въ лѣсу и выгонять его на опушку лѣса въ поле, гдѣ борзятники принимаютъ уже травить его борзыми собаками.

Въ гончей стаѣ В... было 40 рослыхъ собакъ; подобраны онѣ были и по росту и по рубашкѣ (шерсти) замѣчательно; всѣ высокія, черныя съ рыжими подпалинами на ногахъ и мордѣ; „одна въ одну, часто не разведешь“, какъ выражался про сходство ихъ самъ Осипъ.

Надо было имѣть много терпѣнія, знанія, а главное непреодолимой любви къ охотѣ, чтобы сѣумѣть держать въ порядкѣ и послушаніи всю стаю, въ какомъ держалъ ее Осипъ.

Осипъ всей душею былъ преданъ охотѣ, онъ ничѣмъ вокругъ себя не интересовался, ни о чемъ другомъ не говорилъ какъ только о волчьихъ выводкахъ, о болотахъ, лѣсахъ, о своихъ собакахъ. Бывало, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, я часто заходилъ къ нему въ сарай и, сѣвъ на перевернутое корыто, слушалъ безконечные его рассказы о собакахъ, лѣсахъ и о прежнихъ охотникахъ-господахъ. Осипу было пятьдесятъ лѣтъ, но по фигурѣ, крѣпкой и бодрой, по свѣжести лица и по выраженію его добрыхъ глазъ, казался гораздо моложе своихъ лѣтъ. Онъ былъ худощавъ, но плотенъ и широкъ въ плечахъ. Сѣдая борода его, доходившая чуть не до пояса, и длинные, бѣлые усы, закрывавшіе его широкія губы, были у рта слегка желтоватаго цвѣта, вѣроятно оттого, что Осипъ былъ большой трубкокуръ; толстая, коротенькая трубка, которую онъ рѣдко выпускалъ изъ зубовъ, выбрасывала всегда такую массу ѣдкаго дыма крѣпкой махорки (простой табакъ), что не мудрено было волосамъ около рта и пожелтѣть.

Въ разговорѣ Осипъ былъ необыкновенно сдержанъ и деликатенъ; никогда онъ не позволялъ себѣ сказать чегонибудь лишняго. Говорилъ тихо, съ разстановкой и гордился ролью добъзжаго и тою славой, которую чувствовалъ за собой. Съ самаго ранняго дѣтства, еще мальчикомъ, онъ былъ вторгнутъ въ семью охотниковъ и сразу привязался къ ней.

„Мальчишкой покойный мой баринъ къ щенятамъ меня приставилъ“, какъ онъ самъ обыкновенно выражался, часто

разсказывая мнѣ, съ какихъ поръ онъ сдѣлался охотникомъ.

„Приставленный“ къ щенятамъ, Оська (такъ его тогда называли) чесалъ ихъ, ласкалъ, поилъ молочкомъ, похищая его иногда съ кухни и вообще выказывалъ большую любовь и заботливость къ своимъ новымъ питомцамъ. Онъ разъ такъ привязался къ одному простому не породистому рябенькому щеночку, что когда послѣдовало отъ барина приказаніе всѣхъ плохихъ щенятъ утопить и его любимцу угрожала опасность очутиться на днѣ рѣки, то онъ, на колѣняхъ, со слезами просилъ старыхъ охотниковъ оставить ему рябенькаго щенка. Долго охотники не соглашались, подсмѣивались надъ нимъ, потомъ, видя его горячія слезы, сжалились и оставили ему щенка.

Когда Оська подросъ и своимъ поведеніемъ подаль надежду сдѣлаться истиннымъ охотникомъ, ему дали повышение, поручивъ проводку, въ поля и лѣса, молодыхъ собакъ.

Наконецъ онъ былъ сдѣланъ младшимъ выжлятникомъ (помощникомъ) у стараго доѣзжаго Прокофія. Узнавъ поближе охотничью жизнь со всѣми ея мелочами, Осипъ безвозвратно предался ей, и сдѣлался настоящимъ охотникомъ въ душѣ. Собаки, лошади, звѣри, поля, лѣса—стали навсегда его друзьями. Въ лѣсу, на охотѣ, когда цѣлая стая гнала по красному (волкъ, лисица) звѣрю, Осипъ, тогда еще молодой, забывалъ все; сердце его начинало биться сильнѣе; онъ мчался по лѣсу, по гущинѣ, туда, гдѣ ревѣла стая и крича, захлебывающимся голосомъ: го-го-го и хлопая длиннымъ арапникомъ, подбадривалъ собакъ.

Прокофій его сразу полюбилъ. Гдѣ были самые глухіе овраги, покрытые терновникомъ и густымъ орѣшникомъ или самыя топкія болота, Прокофій всегда посылалъ подъ собакъ Осипа.

Такимъ Осипъ былъ въ молодости, такимъ онъ остался и въ старости; послѣ смерти Прокофія, онъ самъ сдѣлался опытнымъ, знающимъ доѣзжимъ.

Надо было видѣть его коренастую фигуру, его почтенное, старческое лицо, слышать его робкій, тихій голосъ дома и видѣть его верхомъ на Корноухомъ (такъ звали его лошадь) на охотѣ, чтобы сказать, что между тѣмъ Осипомъ и этимъ нѣтъ ничего общаго.

Дома онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своемъ изодранномъ кафтанѣ въ сараѣ и, окруженный собаками, то заваривалъ овсянку для собакъ, то шилъ смычки (ошейники, на которыхъ водятъ гончихъ на охоту), то сѣдло, то чистилъ кинжалъ, стремяна или охотничій рогъ, а то бралъ иглу и начиналъ, не хуже любой бабы, зашивать разорвавшееся на охотѣ платье. Работая и обдумывая что нибудь, онъ всегда напѣвалъ себѣ подъ носъ все одну и ту же заунывную пѣсню, отчетливо словъ которой никто никогда не слыхалъ.

Если къ Осипу въ это время подходилъ кто-нибудь, въ комъ онъ видѣлъ истиннаго охотника, а не болтуна, онъ былъ радъ и заводилъ самъ разговоръ.

— А, что вѣдь, вчера, дивно гнала стая, начиналъ вспоминать онъ прошедшую охоту, ни одна собака молчакомъ не шла... всѣ ревѣли... Матерова-то (старого) волка... Хлейта первая пріискала... Собака чудная.

— Что она изъ молодыхъ? спрашивали его.

— Хлейта... третья осень пошла; и начиналъ вспоминать какъ-бы провѣряя себя, затѣмъ убѣдившись, что онъ правъ, говорилъ, да такъ, такъ... Заграйкѣ вторая... а ей, значить, третья...

И такъ шелъ дальше разговоръ о родословныхъ собакъ, которыя были извѣстны Осипу, начиная отъ прабабушки; потомъ переходилъ къ лошадямъ, къ прежнимъ охотамъ, на чемъ онъ особенно любилъ останавливаться и рассказывать о прежнихъ людяхъ и о старыхъ временахъ. Надо сказать къ чести Осипа, всѣ рассказы его и воспоминанія были правдивы и искренни; въ нихъ не было ничего выдуманнаго, кстати вставленнаго краснаго слова; этого онъ не любилъ слышать даже въ другихъ. Походка его была тихая съ лег-

кимъ перевальцемъ. Перейти дворъ для него казалось большимъ трудомъ. Лѣниво идетъ онъ, понурия свою сѣдую голову.

Собираясь же на охоту, Осипъ былъ неузнаваемъ. Вставъ, когда на дворѣ еще темно, онъ не спѣша, но бодро, почиститъ свою лошадь, засѣдлаетъ ее, причемъ непременно опробуетъ прочность подпруги и, разбудивъ своихъ выжлятниковъ, начнетъ самъ одѣваться: умоется, помолится Богу, расчешетъ голову, бороду и усы, и, надѣвъ поддевку изъ верблюжьяго сукна, туго перетянется ремненнымъ черкесскимъ поясомъ, отдѣланнымъ серебряными бляхами. Подарокъ сдѣланный еще старымъ бариномъ. Затѣмъ, подстегнетъ длинный, большой кинжалъ и, перекинувъ черезъ плечо громадный мѣдный рогъ, выведетъ изъ сарая свою стаю и засѣдланнаго Корноухова на сборное мѣсто охоты. Во всей его стройной фигурѣ видна тогда какая-то молодцоватость, а въ глазахъ блеститъ радостный огонекъ.

Сидя на заднихъ лапахъ или лежа, вытянувъ впередъ свои толстыя морды, окружаютъ его собаки и покорно ждутъ его приказаній, ни одна не тронется съ мѣста, нѣтъ ни грызни, ни лая.

Дремлютъ. Иная проснется, встанетъ, потянется и посмотритъ на Осипа, но, увидѣвъ покойную его фигуру, снова заснетъ.

Корноухой, рыженькая, небольшая лошаденка, черкеской породы, тоже стоитъ не шелохнется. Понурия тупую маленькую голову, помахивая жиденькимъ хвостикомъ и поднимая острые уши, какъ-бы къ чему-то прислушиваясь, кажется на видъ такой плохой, забитой лошаденкой. Но когда Осипъ молодцовато сядетъ на Корноухова, то его нельзя узнать. Гдѣ является сила, энергія и рѣзвость. Гордо поднявъ голову кверху и туго натянувъ поводья казацкой уздечки, онъ шель ровнымъ шагомъ, легкой иноходью. Ни передъ какими канавами, буераками, кустами и болотами Корноухой никогда не останавливался; нажатый стремянами, онъ шель куда его посылали. Осипъ, такъ же какъ его собаки и лошадь,

стоитъ покойно, молчаливо, съ сознаніемъ полного своего достоинства.

Покуривая трубочку, онъ ждетъ приказанія барина вести охоту. Восходящее солнце поднимается выше и выше, озаряя все золотистыми, теплыми лучами. Вотъ загорѣлись верхушки дальняго лѣса, вотъ весь лѣсъ покрылся багрянымъ лучемъ, за нимъ крыши хатъ; взволнованная легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ поверхность пруда, подъ горой, отразила золотистыя искры заглянувшего въ нее солнца. Въ воздухѣ стало теплѣе.

Охотники, окруженные собаками, фургоны, изъ которыхъ торчали самовары, кострюли, бутылки и другія принадлежности завтрака, всѣ начинаютъ съѣзжаться къ сборному пункту. Слышны голоса, визгъ борзыхъ собакъ и ржанье лошадей. Ко крыльцу подведутъ барскаго коня, осѣдланнаго дорогимъ черкесскимъ сѣдломъ. Все стихнетъ. Выходитъ баринъ и, покручивая свои длинные усы, приказываетъ Осипу садиться на коня и вести охоту.

Осипъ, не спѣша, попробуетъ еще разъ, какъ держится подпруга, возьметъ поводья, и всунувъ лѣвую ногу въ стремя, подпрыгнувъ, сядетъ въ сѣдло, сниметъ шапку, перекрестится и тогда только тронетъ лошадь.

Собаки, тѣсняясь у самыхъ ногъ лошади и напирая другъ на друга, съ особеннымъ радостнымъ завываніемъ и визгомъ, побѣгутъ за нимъ. Въ этомъ визгѣ, въ этой тѣсной стаѣ, покорно идущей за нимъ, вся его жизнь, все его наслажденіе.

Въ лѣсу, когда собаки, пріискавъ звѣря, одна по одной начнутъ гнать и, свалившись въ одну стаю, дружнымъ хоромъ погонять его, Осипъ перерождался окончательно, онъ забывалъ все; онъ весь отдавался этой музыкѣ и ею жилъ. Ударивъ нагайкой лошадь, онъ мчался, сломя голову, туда, гдѣ отозвалась первая собака, начиналъ кричать на всѣ возможные охотничьи лады, точно умолялъ собакъ гнать сильнѣе и по мѣрѣ того, какъ гоньба усиливалась, Осипъ дохо-

диль до того, что положительно захлебывался отъ удовольствія и радости.

Вотъ такой-то почтенный старикъ Осипъ былъ моимъ закадычнымъ пріятелемъ.

II.

Охота В... нѣсколько дней какъ стояла у насъ; мы успѣли уже три раза побывать на охотѣ въ сосѣднихъ нашихъ лѣсахъ, откуда взяли лисицъ, волковъ и множество трусливыхъ, косыхъ зайцевъ. Теперь предполагалось брать большой лѣсъ Должикъ, славившійся своими крѣпкими оврагами, густо поросшими лѣсомъ, гдѣ каждый годъ были волчьи выводки. Эта охота меня страшно интересовала. Какъ только было рѣшено, что мы ѣдемъ, я сейчасъ же побѣжалъ къ Осипу поговорить съ нимъ о завтрашнемъ днѣ.

Выйдя на дворъ, я засталъ его сидящимъ на толстомъ бревнѣ, по обыкновенію окруженнымъ со всѣхъ сторонъ собаками. На немъ была старая, подранная поддевка, подпоясанная ремненнымъ поясомъ. Нагнувшись, онъ преусердно чинилъ смычки.

— Здравствуй, Осипъ, сказалъ я, подходя къ нему.

— Здравствуйте, баринъ, отвѣтилъ онъ, приподнявъ шапку.

— Слышалъ, завтра на охоту?

— Да-съ, баринъ сказывалъ въ Должикъ ѣхать, съ разстановкой проговорилъ онъ.

— А тамъ должна быть охота хорошая? приставалъ я.

— Должно быть... лѣсъ крѣпкій... тамъ завсегда выводки есть... въ прошломъ году... пятерыхъ (волковъ) оттуда взяли...

— И теперь тамъ два выводка видѣли... Мужики говорили, перебилъ я его.

— Мужики говорили, повторилъ онъ какъ-то недовѣр-

чиво, врутъ они здорово... увидятъ одного, а тамъ и рассказываютъ, что цѣлый выводокъ былъ... Я ужъ ихъ манеру очень хорошо знаю, заключилъ онъ и превнимательно началъ прилаживать къ ошейнику мѣдное кольцо, громко раскуривая трубку. Синеватый дымъ, тихо клубясь, расходился въ чистомъ воздухѣ, словно таялъ.

— Вы завтра поѣдете съ нами, баринъ? сказалъ Осипъ, затянувшись дымомъ.

— Еще бы! Я вотъ и пришелъ спросить у тебя, гдѣ мнѣ лучше стать и откуда ты будешь бросать (заводить) гончихъ, спросилъ я въ свою очередь.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я всегда обращался за совѣтомъ къ Осипу, ему это нравилось и онъ мнѣ всегда указывалъ въ лѣсу мѣсто, гдѣ долженъ проходить звѣрь.

— Хорошо, хорошо, и, помолчавъ, продолжалъ, — не знаю откуда прійдется гончихъ бросать. Поѣду сегодня вечеромъ, посмотрю, есть ли еще выводки и держатся гдѣ. Тогда и видно будетъ съ какой стороны бросать, положивъ починенный смычекъ и взявъ другой, прибавилъ:—отъ Крутаго Яра, отъ строеваго лѣса... надо бросать, тамъ самое крѣпкое мѣсто.

Я понялъ, что означало „поѣду посмотрю, есть ли выводки“.

Осипъ, кромѣ поразительнаго умѣнья управлять стаей и руководить охотой, еще обладалъ такимъ качествомъ, въ которомъ, положительно можно сказать, не было у него соперниковъ.

Сложивъ около рта какъ-то особенно руки, Осипъ умѣлъ выть по волчьи такъ искусно, что волки, услыша этотъ вой, тотчасъ же откликались. Это умѣнье приносило большую пользу для охоты.

Зная очень хорошо привычку волковъ держаться въ продолженіи цѣлаго дня въ томъ мѣстѣ лѣса, гдѣ они провели наканунѣ ночь, Осипъ съ вечера отправлялся въ тотъ лѣсъ, въ которомъ предполагалась охота и, взойдя въ самыя крѣп-

кія мѣста, подвывалъ волковъ. Если волки тамъ были, то они ему отвѣчали дружнымъ воємъ и этимъ выдавали не только мѣсто, гдѣ они лежали, но и свою численность, такъ какъ Осипъ съ удивительной вѣрностью опредѣлялъ число отдѣльныхъ голосовъ, въ общемъ воѣ волковъ.

Узнавъ, такимъ образомъ, сколько волковъ и въ какомъ яру они лежатъ, на утро Осипъ смѣло подводилъ свою стаю къ тому мѣсту и пускалъ ее. Собаки сейчасъ же пріискивали звѣря и, поднявъ его, начинали такую гоньбу, такую музыку, какую рѣдко кому приходилось слышать.

По лѣсу шелъ, какими-то раскатами, то утихая, то усиливаясь, ревъ сорока собакъ, до тѣхъ поръ, пока преслѣдуемый волкъ не выбѣгалъ изъ лѣсу въ поле.

Благодаря тому, что Осипъ такъ велъ охоту, она всегда была удачна; рѣдко случалось, чтобы какой нибудь волкъ, развѣ ужъ старый, хитрый, уходилъ изъ лѣса, прежде чѣмъ его найдутъ собаки.

Самому мнѣ ни разу не приходилось слышать, какъ подвывалъ Осипъ, но часто слышалъ отъ старыхъ охотниковъ, что дѣлалъ онъ это поразительно вѣрно.

Теперь, когда представлялся удобный случай посмотрѣть все на дѣлѣ, у меня явилось непреодолимое желаніе ѣхать въ лѣсъ съ нимъ. Я зналъ, что Осипъ не любилъ лишнихъ компаньоновъ и не рѣшался попросить его взять меня съ собой. Взявъ въ руки попавшуюся палочку, я сталъ безцѣльно долбить ею землю, соображая, съ чего и какъ начать свою просьбу. Осипъ, углубившись въ свою работу, молчалъ и не обращалъ на меня никакого вниманія.

— Осипъ, голубчикъ, возьми меня съ собой волковъ подвывать, ей Богу я тебѣ не помѣшаю, наконецъ, въ волненіи промолвилъ я робкимъ голосомъ.

Робкій ли мой голосъ или сама просьба поразили его, онъ, оставивъ работу, посмотрѣлъ на меня и удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Куда-съ?

— Въ Должикъ... подвывать волковъ, повторилъ я не рѣшительно.

— Какъ же, вѣдь надо вечеромъ ѣхать... холодно будетъ... васъ не пустятъ.

— Ты не безпокойся, съ тобой пустятъ, только возьми. Право, я тебѣ не помѣшаю, увѣрялъ я его.

— Я знаю, вы баринъ скромный, охотницкій, сказалъ онъ убѣдительнымъ голосомъ и, подумавъ не много, дружески прибавилъ, знаете, сударь, вѣдь это будетъ ночь, въ лѣсу темно, право не знаю, какъ вамъ и ѣхать.

Я видѣлъ, что онъ колебался, и съ удвоенною энергіею началъ просить его. Уступивъ, наконецъ, моимъ просьбамъ, онъ, покашливая, сказалъ:

— Я то ничего поѣдемте... только вотъ что, пустятъ-ли васъ.

— Ты не безпокойся, я выпрошусь! воскликнулъ я, торжествуя. Если-бы не покойная фигура Осипа сдерживала мой восторгъ, я бы отъ радости затанцовалъ; я забросалъ его новыми вопросами.

— Когда-же ѣхать? на чемъ? куда вечеромъ прійдти? говорилъ я скороговоркой.

— Вечеромъ, какъ солнышко сядетъ, извольте одѣться потеплѣе и пожалуйста сюда, на дрожечкахъ и поѣдемъ, отвѣтилъ онъ тихо, слегка улыбаясь, думая вѣроятно: „эхъ, молодость, горячка, чего кипить“.

— А ружье надо взять? поспѣшно спросилъ я.

— Хе, хе, хе, засмѣялся онъ густымъ старческимъ смѣхомъ, вы должно быть волковъ боитесь? Не надо, мы вѣдь отъ нихъ далеко будемъ.

Окончивъ починку смычковъ, онъ поднялся съ мѣста и, взявшись руками за поясницу, выпрямился во весь ростъ.

— Старъ сталъ, сказалъ онъ потягиваясь, спина болитъ, какъ посижу, такъ вотъ и заломить.

Взявъ въ руки смычки и коробочку съ швальными принадлежностями, онъ мѣрными шагами пошелъ къ сараю. Я

шелъ сзади него; у самыхъ воротъ, остановившись, онъ сказалъ:

— Только вотъ, сударь, непременно спроситесь, можно-ли ѣхать, а то кабы потомъ не осерчали.

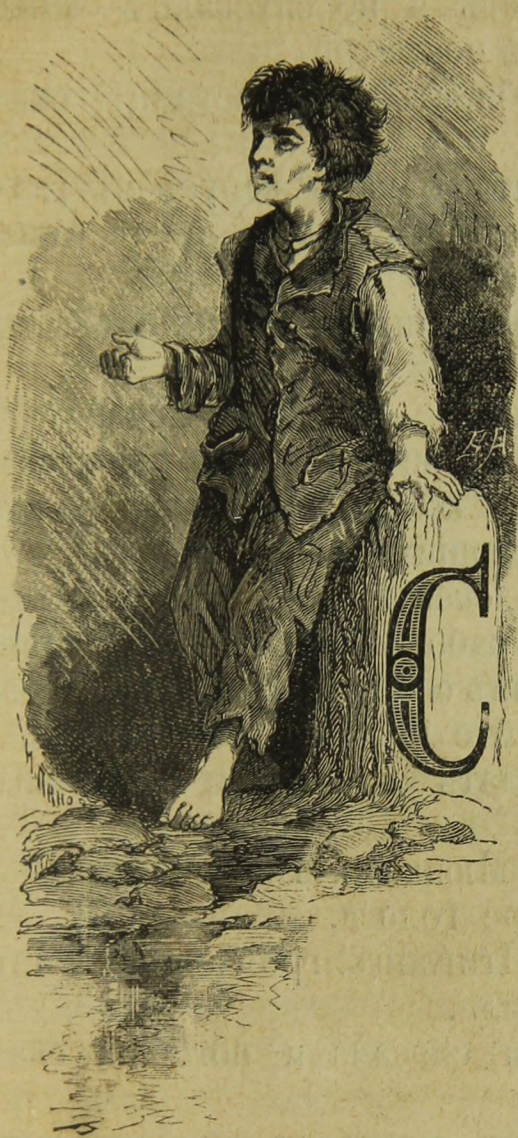
— Ты не безпокойся, я попрошусь, и когда Осипъ вошелъ въ ворота сарая, я ему крикнулъ въ слѣдъ, какъ только солнышко сядетъ, я одѣнусь и прійду къ тебѣ сюда... хорошо...

Получивъ утвердительный отвѣтъ, я скорыми шагами пошелъ домой.

Н. Кувшинниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЙ РУДО- КОПЪ.

КАЗАВЪ это, онъ началъ раздвигать камни и передавать тѣмъ, которые стояли сзади его. Такимъ образомъ, они проникли въ другую галлерею и увидѣли въ отдаленіи рудокопа, работавшаго при свѣтѣ фонаря. Отъ сильнаго стука, который производилъ копая и откладывая руду, онъ не слышалъ приближенія общества и только тогда замѣтилъ, когда они очутились передъ нимъ. При видѣ длинной цѣпи фонарей, приближавшихся къ нему изъ галлереи, которую считали задѣланной, онъ до того перепугался, что принялъ ихъ за привидѣніе. Инструменты выпали изъ его дрожащихъ рукъ, губы шептали молитву.

— Не стыдно ли? сказалъ инспекторъ. Чего ты испугался?

Но рудокопъ стоялъ неподвижно, разиня ротъ, непонимая приказанія инспектора проводить ихъ къ снаряду. Тогда Кламротъ подошелъ къ нему и, ударивъ по плечу, сказалъ:

— Кабервейнъ! кумъ! Что съ тобой? никакъ хочешь потерять свое мѣсто?

Рудокопъ опомнился, снялъ шапку, сталъ во главѣ общества и всѣ дошли до основанія колодца, изъ котораго выта-

скивали чаны съ рудой. Два рудокопа съ нетерпѣніемъ ждали, когда товарищи подымуть ихъ на верхъ.

— Что-то долго не поднимаютъ и не спускаютъ чаны. Вѣроятно случилось какое нибудь несчастье.

— Кажется намъ придется взбираться по лѣстницѣ, сказалъ инспекторъ.

Они уже намѣревались подняться, какъ вдругъ въ галлерей увидали свѣтъ фонаря, который быстро придвигался къ нимъ.

— Насосы не дѣйствуютъ, закричали они, нижнія шахты затоплены!

Въ отдаленіи слышался крикъ: „спасите!“ „спасите!“ „тонемъ!“ „тонемъ!“ Со всѣхъ сторонъ блеснули двигающіеся огоньки, направлявшіеся къ колодѣ. Въ галлерей раздавались крики рабочихъ, искавшихъ спасенья.

— Только этого недоставало, сказалъ инспекторъ. Г-нъ оберштейгеръ, прикажите двумъ работникамъ выйти и привести машины въ движеніе, потомъ соберите народъ, чтобы видѣть, кого не достаетъ и подайте помощь утопающимъ.

Оберштейгеръ поспѣшилъ отдать приказъ и закричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Гиммеръ! Шлотенхауеръ! Мюнкель! Бюльке!

— Мы здѣсь, отвѣчали четыре голоса.

— Ехенбрехеръ! Шубертъ! Штиглицъ! громче повторилъ онъ свое воззваніе—отвѣта не было.

— Вѣроятно они не слышали сигнала и погибли, сказалъ старый рудокопъ.

— Пусть одинъ изъ рудокоповъ идетъ за мной, сказалъ оберштейгеръ, и взявъ шесть, отправился впередъ, четверо или пятеро рудокоповъ смѣло послѣдовали за нимъ. Скоро слышался плескъ воды.

— Машины, должно быть, все еще не дѣйствуютъ, сказалъ одинъ изъ рудокоповъ,—я не понимаю, отчего Гиммеръ во время не ударилъ тревогу.

Въ это мгновеніе прозвонилъ колоколь.

— Поздно! вскричалъ рудокопъ.

Изъ затопленной галлерей раздались глухіе стоны. Вскорѣ блеснулъ свѣтъ, исчезъ и снова появился ближе. Шумъ приближался. Показался оберштейгеръ, вода съ него лилась ручьями, онъ несъ на рукахъ рудокопа, другой рудокопъ поддерживалъ его за ноги; за нимъ несли еще двухъ

работниковъ, спасенныхъ отъ смерти. Всѣ они соединились внизу колодца, спѣшили подать помощь несчастнымъ и къ великой радости увидали, что они еще дышать.

— Славный народъ, сказалъ инспекторъ.—Вы жертвовали собой, спасая ближнихъ. Я сдѣлаю все, чтобы вознаградить васъ.

Радость, отражавшаяся на всѣхъ лицахъ, показывала, что они вознаграждены.

— Какъ! вы уже возвратились, сказалъ инспекторъ двумъ рудокопамъ, посланнымъ привести машины въ дѣйствіе.

— Мы не могли дойти до верху, ступени лѣстницы изломаны.

Инспекторъ велѣлъ отвязать нижнюю лѣстницу и отнести ее на верхъ колодца. Чтобъ исполнить это приказаніе, встрѣтилось затрудненіе—лѣстница была прикрѣплена къ скалѣ желѣзными полосами, надобно было оторвать ихъ. Рудокопы бросились къ лѣстницѣ. Съ помощію орудій они оторвали верхнія и среднія полосы, нижнія были подъ водой, доходившей до пояса рабочимъ.

— Сломайте лѣстницу надъ полосами, закричалъ инспекторъ. Приказаніе было исполнено. Общими силами рабочихъ лѣстница была сломана и оторвана отъ желѣзныхъ склеповъ. Ее въ одну минуту отнесли на верхъ. Рудокопы одинъ за другимъ начали подниматься, дойдя до верхней лѣстницы, замѣнили ее нижней, прикрѣпили веревками и такимъ образомъ достигли послѣдней части колодца. Правда, что придѣланная лѣстница не доходила до верха, но догадливые рудокопы нашли средство отстранить это затрудненіе. Какъ храбрый воинъ никогда не покидаетъ своего оружія на полѣ битвы, такъ и хорошій рудокопъ всегда имѣетъ при себѣ свое орудіе, оно доставляетъ ему хлѣбъ и часто спасаетъ жизнь. Рудокопы замѣнили ступени ручками грабель, лопатъ и, наконецъ, достигли края колодца.

— Побѣда! закричалъ рудокопъ, становясь на край колодца, протягивая руку товарищу. По мѣрѣ того, какъ они чувствовали подъ ногами твердую землю, тотъ же крикъ раздавался повсюду.

Радость и благодарность къ Богу охватила всѣхъ, какъ будто Онъ второй разъ давалъ имъ жизнь. Но ни кто не былъ такъ счастливъ, какъ Готлибъ, первый вышедшій изъ колодца. Второе путешествіе въ рудники чуть

не обошлось дороже перваго и онъ далъ себѣ слово никогда больше не подвергаться опасности въ ужасныхъ рудникахъ. Въ ту минуту, когда оберштейнгеръ отворилъ дверь привода, со всѣхъ сторонъ били набатъ. Рудокопы и крестьяне сбѣжались со всѣхъ сторонъ, услыхавъ роковую вѣсть, что инспекторъ рудниковъ, всѣми любимый и уважаемый, находился въ большой опасности и несказанно обрадовались, увидя его живымъ и невредимымъ. Всѣ окружили его. Тронутый, онъ съ жаромъ благодарилъ ихъ, и поспѣшилъ къ машинамъ, чтобы посмотреть почему онѣ остановились. Гиммеръ, бывший тревогу, рассказалъ все, что случилось: Верндтль, мучимый совѣстью, остановился на полдорогѣ въ Шейбергъ. Внезапное освобожденіе двухъ подсудимыхъ такъ удивляло и беспокоило его, что онъ рѣшилъ возвратиться домой, пока не получить разъясненія; но подойдя къ дому не смѣлъ войти въ него и спрятался за кустъ, когда-то служившій пристанищемъ Готлибу. Когда онъ хотѣлъ войти въ двери дома онѣ оказались запертыми. Напрасно стучался онъ, звалъ Катерину—отвѣта не было. Отъ проходившаго мимо крестьянина узналъ онъ о пріѣздѣ инспектора рудниковъ и что онъ сошелъ въ старый колодець, въ сопровожденіи Тейфеля, Кламрота, Готлиба и многихъ другихъ рудокоповъ.

Тутъ онъ понялъ, что надобно спасать себя и деньги, и скорѣе бѣжать до Богеміи. Планъ былъ готовъ. Прибѣжавъ къ колодцу, въ глубинѣ котораго находилась слѣдственная комиссія, онъ сломалъ верхнія ступени лѣстницы, тоже сдѣлалъ съ колодцемъ, изъ котораго вытаскивали руду, обрѣзалъ веревку отъ призывнаго колокола и для большей предосторожности заперъ двери колокольни. Подбѣжавъ къ машинамъ, онъ остановилъ колесо, приводящее въ движеніе весь аппаратъ, заперъ Якова, бывшаго на дежурствѣ вмѣсто отца, и приказалъ двумъ рудокопамъ, находившимся при подъемѣ чановъ, бѣжать къ машинамъ, которыя не дѣйствовали, и помочь Гиммеру ихъ исправить. Самъ же сказалъ имъ, что пойдетъ бить тревогу, но вмѣсто того обрѣзалъ канатъ у часовъ, бросивъ его на дно колодца, и побѣжалъ домой за деньгами, надѣясь воспользоваться общимъ смятеніемъ.

Ему ничего не стоило погубить столько человѣкъ. Разсчетъ было вѣренъ. Прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ замѣтили его побѣгъ, вниманіе всѣхъ было обращено на машины. Во время бѣгства онъ чувствовалъ такую усталость,

что не могъ продолжать путь. Ему казалось, что всѣ за нимъ гонятся. Не въ силахъ болѣе сопротивляться страху, онъ направился въ чащу ближайшаго лѣса, но не смѣлъ остановиться, чтобы освѣжиться холодной водой изъ источника, протекавшаго въ лѣсу.

Часъ обѣда давно прошелъ, а онъ, не останавливаясь, бѣжалъ несмотря на изорвавшуюся обувь. Темнѣло. Изнемогая отъ усталости, Верендтель рѣшился отдохнуть, прислушиваясь къ каждому звуку. Въ небольшомъ разстояніи отъ него били тревогу, черезъ нѣсколько минутъ ночной сторожъ Штейнбаха протрубилъ жителямъ 10 часовъ.

Съ ужасомъ вскочилъ Верендтель. Точно горячка охватила его, онъ бредилъ на яву. Деревья, качаясь отъ вѣтра, будто говорили ему „убійца!“ Шелестъ листьевъ, свистъ вѣтра принималъ онъ за крики несчастныхъ потопленныхъ, и бѣжалъ все далѣе и далѣе. Наконецъ, насталъ день. Солнце величественно возшло, но онъ не обратилъ на него вниманія, и продолжалъ бѣжать, несмотря на усталость. Онъ бы все отдалъ за минуту отдыха, но угрызеніе совѣсти не давали ему покоя.

Верендтель упалъ на колѣни. Ему казалось, что онъ уже въ тюрьмѣ, приговоренъ, отведенъ на казнь и чувствуетъ, какъ палачъ холоднымъ остріемъ меча касается его шеи.

Онъ всталъ, снялъ съ себя мѣшокъ съ деньгами и бросилъ ихъ на землю, воскликнувъ: „о, проклятыя деньги! вы довели меня до преступленія!“ Вдругъ послышались шаги. Онъ поднялъ голову, надъ нимъ нагибался толстый сукъ, и какъ будто предлагалъ себя, какъ единственное средство избавиться мученій.

Еще разъ взглянулъ онъ на мѣшокъ, отвязалъ отъ него веревку, судорожной рукой привязалъ ее къ суку. Хотѣлъ молиться, и не могъ. Шаги слышались все ближе и ближе—рудокопы шли на работу. Онъ набросилъ себѣ на шею петлю. Огоньки блеснули сквозь чащу лѣса. Верендтель хотѣлъ было освободиться изъ петли, но петля все болѣе и болѣе затягивалась. Черезъ нѣсколько дней нашли его повѣсившимся.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нирицъ.
Съ нѣмецкаго.

ПАМЯТНИКЪ ГЁТЕ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Постройка памятника началась съ 1872 г., по модели художника Фрица Шапера, а открытіе послѣдовало 2-го іюня 1880 г.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 мая 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.